

DOI: 10.31857/S032103910025904-7

ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ИСТОРИИ ДРЕВНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ XX–XXI веков. Часть I

И. А. Ладынин

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

В первой части статьи рассматривается опыт выявления этапов в древней истории и построения на этой основе ее сводной периодизации в отечественной науке XX в. вплоть до 1980-х годов. В предреволюционной науке этой задаче, как правило, не придавалось самостоятельного значения. В науке 1930–1950-х годов видно стремление совместить этапы, традиционно выделяемые в древней истории, с этапами в развитии рабовладения. Возникновение государства в начале древности в это время объясняется расколом общества на классы, а окончание древности связывается с «революцией рабов». В 1950–1960-е годы детерминантой исторического процесса древности и критерием выделения его этапов признается эволюция общины; искореняется влияние теории «революции рабов». В позднесоветский период огромное значение приобретают взгляды на ход и периодизацию древней истории И. М. Дьяконова, удачно интегрирующиеся с теоретическими схемами антиковедения.

Ключевые слова: древность, периодизация, Восток, античность, община, социальные отношения, пути развития, И. М. Дьяконов, марксизм

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин — доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-19-50146 («Экспансия»).

STAGES OF ANCIENT HISTORY AND THE CRITERIA OF THEIR DEFINITION IN RUSSIAN AND SOVIET SCHOLARSHIP OF THE 20th AND 21st CENTURIES. Part I

Ivan A. Ladynin

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-19-50146

The article discusses the experience of establishing the periods of ancient history and developing its general scheme in Russian and Soviet research of the twentieth century till the 1980s. The development of such schemes was not considered as a specific task in the pre-revolutionary scholarship. In the 1930s–1950s there was an intention to tie the periods established traditionally in scholarship with the stages of the development of slavery; the formation of state at the beginning of antiquity was seen as a result of splitting the society into antagonistic classes, and the end of antiquity was ascribed the nature of a revolution. In the 1950s–1960s the evolution of ancient communities in their various forms was taken as a determining factor for the flow of ancient history and defining its stages; the influence of the ‘revolution of the slaves’ theory was eliminated. In the Late Soviet period the views of Igor Diakonoff on the development and the periodisation of ancient history, which matched well with the schemes developed by historians of ancient Greece and Rome, became particularly important.

Keywords: antiquity, historical periodisation, Ancient East, Ancient Greece, Rome, communities, society, paths of development, Igor Diakonoff, Marxism

Значение принципов периодизации всемирной истории и ее отдельных эпох едва ли требует доказательства: очевидно, что именно в выборе этих принципов проявляется своеобразие подхода конкретных ученых или, чаще, их поколений и научных школ к определению «движущих сил» исторического процесса — факторов, влияющих на состояние общества в разные периоды, на смену таких состояний и происходящие при этом события¹. При этом практически на каждом этапе развития историографии задача построения или уточнения периодизации оказывается двойной: трехчастное деление истории на древность, Средние века и Новое время восходит, как известно, еще к трудам Флавио Бондо середины XV в.², а затем оно дополнилось фундаментальными понятиями, задающими внутреннюю периодизацию каждой из этих больших эпох и классификацию обществ внутри них. В изучении древности эту роль стали играть традиционное деление истории древней Греции на гомеровский период, архаику и классику, истории Рима — на царский период, республику и империю, а также

¹ См. в целом Alekseev *et al.* 2014.

² Alekseev *et al.* 2014, 32.

феномен эллинизма и представление о древнем Востоке и античности как разных моделях общественного и цивилизационного развития³. По сути дела, призыв к отказу от этих понятий не прозвучал ни разу (во всяком случае, ни разу не был доведен до конца⁴), и на каждом новом этапе перед исследователями вставала задача не только выявить новые параметры для описания исторического процесса и выделения в нем этапов, но и соотнести эти параметры с понятиями традиционной периодизации. В советской и постсоветской историографии эта задача осложнялась сначала интеграцией этих понятий с концепцией советского марксизма⁵, а затем и потребностью в их освобождении от этого, притом удовлетворенной в разных сегментах науки неравномерно и непоследовательно⁶. Поэтому нам кажется насущной задача своего рода «инвентаризации» концептов, использовавшихся в отечественной науке о древности для построения ее периодизации, и оценки их применимости для этого на нынешнем этапе. Заметим, что аналитические обзоры нашей историографии до сих пор фокусировались либо на отдельных проблемах, оцененных как базовые (прежде всего проблеме социально-экономических отношений⁷), либо, в последнее время, на вопросе «образа древности» в советской науке и факторов, определяющих его особенности на разных этапах⁸. Вопрос о возникновении в отечественной науке XX–XXI вв. единой концепции древней истории и мотивированной ею схемы периодизации, а также вопрос об их эволюции практически не ставился⁹.

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ДРЕВНОСТИ В ОЦЕНКЕ УЧЕНЫХ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОГО
ВРЕМЕНИ И 1920-х годов. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКОГО МАРКСИЗМА (1930–1940-е годы)

Как представляется, рефлексия по поводу периодизации истории древности стала впервые значима в отечественной историографии после становления общей исторической концепции советского марксизма в начале 1930-х годов. Это звучит парадоксально (догматическая идеология как будто вообще не должна была оставить места

³ Мы говорили, что «широкое» понятие «древний Восток», включающее общества Индии и Китая, функционально лишь в отечественной историографии с 1930-х годов (Ladynin 2019b); однако, конечно, противопоставление античных и восточных обществ актуально и для мировой науки в целом.

⁴ См. о спорах в связи с закреплением понятий «древность», «Средневековье», «Новое время» в преподавании «гражданской истории» в СССР в 1934 г. Dubrovskiy 2017, 153.

⁵ В определении понятия «советский марксизм» мы следуем за С.Б. Крихом (Krikh 2013, 8–9).

⁶ Так, если во втором томе новой «Всемирной истории», посвященном Средневековью, большое место заняла категоризация ряда теоретических понятий на основе опыта мировой науки (что отвечало широте дискуссий в отечественной медиевистике еще в 1960–1980-е годы: Chubaryan 2011–2017, II, 5–70, 810–817), ничего подобного нет в ее первом томе по древности (ibid., I; см. нашу статью далее).

⁷ Например, Nikiforov 1977; Neronova 1992; Kim 2001.

⁸ Krikh 2013; 2020; Krikh, Metel' 2014.

⁹ В скромном объеме он поставлен в Ladynin 2016. Близка по замыслу к настоящей статье, но выполнена всецело в духе своего времени и, естественно, не учитывает более позднего материала работа Slonimskiy 1970.

для рефлексии) и нелестно для предреволюционной науки; однако в последней наиболее influentially было направление «фактопоклонничества», восходившее к взглядам Ф.Ф. Соколова. Возникнув в известной мере как реакция на субъективные схемы М.С. Куторги, эта тенденция отторгала широкие обобщения и воспринимала наличие в истории древности периодов скорее как данность, чем как повод для рефлексии¹⁰. С скромное место в науке занимали попытки объяснить возникновение государства в начале древности потребностями речной ирригации¹¹ или определить характер ранней государственности как общинной, а последующих рубежей в древней истории (в частности, переходов от классики к эллинизму и от республики к империи) — как ее смены охватывающими широкие территории автократиями¹². Позиция М.И. Ростовцева, определявшего, под влиянием «циклизма» Эд. Мейера, эллинистическо-римскую древность как «капитализм»¹³, до 1917 г. проходила становление и еще не обогатилась важнейшим для его концепции представлением о «революции» в Риме при переходе от республики к империи¹⁴. Пожалуй, более результативно идеи Мейера были интегрированы в схему древней истории, представленную в учебных пособиях М.М. Хвостова¹⁵, хотя в ней не было фундаментальности взглядов Ростовцева, сформулированных им в эмиграции. В 1900–1910-е годы крен к социально-экономической проблематике виден не только у Ростовцева и Хвостова, но и у молодого В.В. Струве¹⁶, что свидетельствует о восприятии этого направления как перспективного. Вероятно, поступательное развитие предреволюционной науки о древности привело бы к утверждению в ней «соцэка» с его концептуализмом (скорее всего, в «изводе» Мейера), что повлияло бы и на восприятие крупных этапов древней истории¹⁷; но этого не произошло. Важнее в историографической перспективе было введение Б.А. Тураевым понятия «древний Восток» как обозначения особого этапа «цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству»¹⁸.

Советская наука о древности 1920-х годов, вопреки ее ожидаемой марксистской индоктринированности, активно усваивала разные теоретические схемы с социально-экономической детерминантой: при этом, хотя в «споре Мейера и Бюхера» советские ученые были скорее на стороне второго, практически для всех них было значимо определение — вполне в духе Мейера — древневосточного и раннегреческого обществ как феодальных, а следующего этапа истории античности с более развитым товарным производством и с рабским трудом — как сопоставимого, хотя и с оговорками, с капитализмом¹⁹. Однако более значимым было

¹⁰ Frolov 1999, 175–205, 263–281; Kirillova 2020.

¹¹ Metchnikoff 1889.

¹² См. о концепции Р.Ю. Виппера с отсылками к его работам Almazova 2019.

¹³ См. в его ранних работах, наиболее явно в Rostovtzeff 1900.

¹⁴ См. Kirillova 2017, 346–349.

¹⁵ Almazova 2017.

¹⁶ Ladynin 2020.

¹⁷ Frolov 1999, 381–389; Ladynin 2019a, 256–257.

¹⁸ Ladynin 2019b, 778–782.

¹⁹ Frolov 1999, 433–434; Krikh 2013, 74–83 (от употребления термина «капитализм» воздерживался А.И. Тюменев, подчеркивавший роль рабства в античных обществах, однако подъем в них товарной экономики признавал и он).

решение вопроса о том, следует ли видеть в древней (и в целом во всемирной) истории единый процесс. Своего рода итог довольно кустарных по уровню аргументации дискуссий между сторонниками концепций «азиатского способа производства» и «восточного феодализма»²⁰ (мыслившихся притом как не столько начальный этап истории Востока²¹, сколько извечное, вплоть до Нового времени, его состояние) был подведен на сессии АН СССР в июне 1931 г. ее недавним фактическим руководителем и старейшим русским востоковедом С.Ф. Ольденбургом: «Для нас нет разделения народов и стран на Восток и Запад, противоположные друг другу и иначе изучаемые... История Востока дала те же формации, что и история Запада»²². Тем самым установка нарождающегося советского марксизма предполагала, что на всех этапах своей истории человечество проходит один и тот же путь, ведущий в перспективе к справедливому бесклассовому обществу.

Важнейшими постулатами исторической теории советского марксизма были определение государства как аппарата подавления эксплуатируемых, появляющегося вслед за расколом позднепервобытного общества на классы²³, и признание классовой борьбы главным фактором исторического процесса. По сути дела, они стали «священными коровами», и посягательство на них (например, частично альтернативные взгляды на возникновение государства и цивилизации; см. далее о построениях В.В. Струве и Б.Л. Богаевского) не допускалось. Не одобрялся взгляд на государство как на организатора производства, а не только подавления, и признание иных, помимо классовой борьбы, факторов исторического процесса, в частности миграций, значимость которых отвергалась построениями марризма²⁴. Кроме того, в 1932–1934 гг. при решающей роли Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) оформилась в целом концепция рабовладельческого способа производства в древности: работа над ней резко ускорилась после речи Сталина 19 февраля 1933 г. на II съезде колхозников-ударников со знаменитой фразой о «революции рабов», и в итоге она стала не только историографическим, но и идеологическим официозом, войдя в «Краткий курс истории ВКП(б)»²⁵. Тем самым на долгое время устоялось общее представление о сущности начального и конечного рубежей древности — соответственно, о распаде первобытного общества на классы и о сокрушившей древнее общество

²⁰ Nikiforov 1977, 176–182; Kim 2001, 24–90; Krikh 2013, 83–90.

²¹ Казалось бы, такому пониманию термина «азиатский способ производства» должно было бы противоречить его употребление К. Марксом во введении «К критике политической экономии»: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Marx, Engels 1955–1980, XIII, 7); о реальном значении данного термина у Маркса см. Alekseev *et al.* 2014, 68–71.

²² Oldenburg 1931, 9.

²³ Применительно к древности оно дополнялось важным представлением о неизбежности разложения при этом общины. См. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса о гибели общины, которую он считал родовой: Marx, Engels 1955–1980, XXI, 167–169.

²⁴ Alpatov 2011, 38–39; Formozov 2006, 58–60 (в связи с археологическими исследованиями).

²⁵ Formozov 2006, 162–169; Krikh 2013, 89–139.

«революции рабов»; само же понятие древности было соотнесено с понятием рабовладельческого способа производства²⁶.

Вопрос, насколько всерьез нужно принимать теоретические построения советских историков древности этого времени, неотделим от вопроса, насколько они вообще прибегали к обычным в науке способам построения аргументации и приемам полемики и, шире, нормам поведения в своей среде. Нет возможности разбирать эти вопросы сейчас подробно, тем более что многое для их прояснения уже сделано²⁷: скажем лишь, что после знаменитого восстановления «преподавания гражданской истории» в 1934 г. в публикациях и дискуссиях по большей части уже не было вульгарного социологизма предыдущего десятилетия и по крайней мере внешне преобладала классическая форма научного нарратива, построенного на анализе источников²⁸. Судить об искренности озвученных при этом позиций нужно максимально конкретно, однако она не вызывает сомнений для многих ученых, вошедших в науку в 1930-е годы — С.И. Ковалева, А.Б. Рановича, К.К. Зельина, делавшего первые шаги в науке И.М. Дьяконова²⁹. На наш взгляд, именно работы, появляющиеся с середины 1930-х годов, оказываются изначальным «тезисом» той эволюции отечественной историографии древности, которая, по сути дела, продолжается и сегодня, хотя она и прошла через этап аргументированного опровержения этого изначального «тезиса».

По-видимому, первый опыт последовательной периодизации древности с позиций советского марксизма был предпринят С.И. Ковалевым во введении к I тому редактировавшейся им «Истории древнего мира», призванной суммировать наработки ГАИМК начала 1930-х годов³⁰. Хотя с этой схемой периодизации нельзя согласиться, ее можно назвать удачной по замыслу: традиционные понятия истории древности ожидаемо привязаны в ней к этапам эволюции рабовладения. Рабство на Востоке противопоставлено «греко-римскому» как раннее, выступающее в «малодифференцированных формах так называемого патриархального рабства, домашнего рабства, рабства-должничества» (это, по Ковалеву, и породило идею о феодализме на Востоке); при этом Ковалев провел различие между очагами ирригационного земледелия и сырьевой периферией, где были «предпосылки образования

²⁶ Прямолинейное соотнесение древности с рабовладением, Средневековья — с крепостничеством, Нового времени — с капитализмом есть в лекции Ленина «О государстве», характерным образом приобщенной к базовым текстам советского марксизма накануне оформления его официальной концепции в 1929 г.: Lenin 1958–1966, XXXIX, 73–78, 84.

²⁷ Krikh 2020, 11–14, 20–33.

²⁸ Показательно вежливое, но решительное неприятие А.Б. Рановичем в середине 1930-х годов советов Н.М. Никольского громить концепцию В.В. Струве при помощи цитат из «классиков»: Kluev, Metel' 2018, 85–90.

²⁹ Несомненно, И.М. Дьяконов на всех этапах своего творчества полностью разделял концептуалистскую интенцию советского марксизма: «Отношение к моим работам за рубежом всегда было заинтересованным... наличие или отсутствие в них марксистской теории формационного развития общества не казалось решающим обстоятельством. А это жаль, потому что понимание истории как процесса — важно» (Diakonoff 1995, 737–738).

³⁰ Kovalev 1936–1937, I, 5–19.

хищнических военных государств типа хеттского и ассирийского»³¹. Античность и, шире, общества I тыс. до н.э. были отграничены от древнейших обществ Востока по критерию «достаточно широкого развития денежного хозяйства» и «высшего расцвета» рабства («Так было в позднейшей Вавилонии, в некоторых городах-государствах Греции, в Финикии, Карфагене, отчасти в Риме»). Развитие рабства в Греции вызвало «ремесленное производство на рынок», что, при запрете долговой кабалы, заставляло черпать рабов «главным образом из окружающих стран и из колониальной “варварской” периферии»; в Риме же можно видеть «огромную гипертрофию рабства военнопленных». Ковалев также говорил о сохранении, по сути дела, в течение всей древности общинных форм собственности на землю (в контексте вполне фантомного «основного противоречия рабовладельческого общества»³²), о широкой надрегиональной интеграции на последнем этапе древности (на примере эпохи эллинизма, но прежде всего Римской империи), об утрате полисом качества независимого государства вследствие его кризиса в IV в. до н.э.³³ Позднее стяженное изложение Ковалевым своей схемы удостоилось резковатого отзыва К.К. Зельина³⁴ — не столь справедливого, так как качественные черты выделенных в ней этапов обозначены вполне отчетливо.

Отраженная в «Истории древнего мира», эта схема претендовала на статус базовой в отечественной науке, однако этому помешали дискредитация ГАИМК в середине 1930-х годов и арест самого Ковалева в 1938 г.³⁵ Ее откровенно негативная оценка³⁶ показала, что актуальность таких схем вообще была меньшей, чем интерпретация отдельных понятий истории древности в свете общего представления о рабовладельческой природе древних обществ и о значимости классовой борьбы. При этом характерные возражения вызвали изначальные построения В.В. Струве 1933 года: согласно им, в ходе классогенеза первобытная община на Востоке трансформировалась в общину рабовладельцев, совместно владевших рабами. Ее расслоение вело к социальным конфликтам, породившим, в частности, постулированный Струве «социальный переворот» в Египте в XVIII в. до н.э.³⁷; далее развитие рабства ускорялось, и в Египте Нового царства, как и ранее в Месопотамии, обнаруживались рабовладельческие латифундии, а общество Нового

³¹ Ср. с определением В.В. Струве общества хеттов как «военного рабовладельческого»: Struve 1934b, 45–74.

³² Kovalev 1936–1937, I, 12.

³³ Kovalev 1936b, 6–9.

³⁴ «С.И. Ковалев... устанавливает четыре этапа в развитии рабовладельческой формации: древневосточный, греческий, эллинистический и римский... Предлагаемая периодизация развития рабовладельческого общества соответствовала бы примерно такой периодизации истории капитализма: стадии голландская, английская, германская, американская» (Zel'in 1955, 101 в связи с замечанием в предисловии Ковалева: Tarn 1949, 9).

³⁵ Formozov 2006, 178, 181–183; Diakonoff 1995, 449–450; Skvortsov 2017.

³⁶ Mashkin 1939, 78–79.

³⁷ Struve 1934a, 36–38, 48–49, 63–68. Ковалев в своей схеме соотнес это восстание с такими этапами разложения античной общины, как «вспышки социальной борьбы в Греции в IV в. до н.э. и демократическое движение в Италии во II в. до н.э.» (Kovalev 1936–1937, I, 17).

Вавилона сопоставлялось с «античным рабовладельческим»³⁸. Как видно, сначала Струве хотел не столько выявить различия между древним Востоком и античным миром, сколько показать в принципе схожие ход и динамику развития обществ, и того, и другого, что совмещалось и с общей установкой советской науки на выявление универсальных закономерностей исторического процесса; однако это и вызвало возражения ученых, не пожелавших отказаться от представления о древнем Востоке как о чем-то стадially предшествующем античности³⁹. Вероятно, свою роль в критике Струве сыграло и то, что о «врастании» первобытной общины в классовое общество как общины рабовладельцев не писали «классики». В итоге общепринятым, в том числе в его учебнике⁴⁰, стало, по сути дела, «ковалевское» определение обществ древнего Востока как раннерабовладельческих, с высокой ролью общины (не рабовладельческой, а обычной сельской, находившейся в процессе распада), со слабым развитием торговли. Наряду с идеей Струве об общине рабовладельцев на Востоке было раскритиковано и принципиально схожее положение Ковалева о длительном существовании «коллективной собственности рабовладельцев»; а идея Б.Л. Богаевского о становлении крито-микенского общества на основе поздней первобытности⁴¹, ставившая под вопрос классовую природу любой государственности, отвергалась как не учитывающая «перерыв» в истории Греции⁴². Признать, что некоторых фактов древней истории «классики» просто не знали (как Энгельс, начинавший государственность Греции с формирования полиса), было явно легче, чем допустить произвольные вариации на заданные ими теоретические темы.

Уже не раз подробно рассматривалось восприятие в 1930–1940-е годы важнейших рубежей истории древнего Рима в свете тезиса о «революции рабов»: смена республики принципатом считалась качественным укреплением государства рабовладельцев в ответ на вызвавшую его кризис классовую борьбу рабов, апогеем которой было восстание Спартака; классовая борьба рабов и в целом угнетенных низов обуславливала процессы III в. до н.э.; а падение Римской империи признавалось завершением «революции рабов», союзниками которых стали варвары⁴³. Менее известно выведение в литературе этого времени внутренних рубежей

³⁸ Struve 1934a, 70–75, 86.

³⁹ Струве сохранил определенное пространство для маневра (ср. с его лавированием в вопросах теории в 1931–1933 гг.: Ladynin 2019a, 259–264), подчеркивая не просто развитие, а гипертрофию рабства в Риме по сравнению не только с Востоком, но и с Грецией, так что, когда там на рубеже Средневековья его потенциал был исчерпан, на Востоке он сохранялся (Struve 1934a, 89–90; см. теперь подробнее Ladynin 2023). Стадiallyное «отставание» Востока от античности становилось таким образом не абсолютным, а относительным; но это был уже софизм. По словам Н.А. Машкина, в разделах Струве в «Истории древнего мира» «не проводится отличие рабства на древнем Востоке от античного рабства, почти совсем игнорируется роль восточной общины, вводится крайне неотчетливое понятие “коллективного рабства”» (Mashkin 1939, 77).

⁴⁰ Struve 1941, 6–7.

⁴¹ Krikh 2020, 73–88.

⁴² Mashkin 1939, 77–79.

⁴³ Krikh 2013, 116–133; 2020, 103–119; Kirillova 2017; Sharova 2017.

истории древней Греции. Становление полиса было для Ковалева революцией⁴⁴, однако уже в конспекте III тома «Всемирной истории» в 1938 г. квалифицировалось как «утверждение государственной власти в форме рабовладельческого полиса»⁴⁵. Такое воспроизведение позиции Энгельса избавляло от необходимости как-то оценивать гомеровское общество и разумно сокращало число «революций» в древности⁴⁶. Ситуацию в Греции уже в V (после Перикла) и тем более в IV в. до н.э. Ковалев определял как «кризис рабовладельческой системы», выразившийся в пролетаризации гражданства и росте классовой борьбы рабов⁴⁷: еще не создавая «перехода ни к какому новому способу производства», она «подготавливала революцию рабов» в перспективе⁴⁸; завоевания Александра и начало эллинизма представлялись не преодолением, а продолжением этого кризиса, как «результат анемии рабовладельческого полиса» и экспансия на новые территории «“лишних” элементов греческого общества»⁴⁹.

Иначе воспринял этот же рубеж десятилетием позже А.Б. Ранович: причину кризиса IV в. до н.э. он видел в исчерпании рынков сбыта товаров ведущих полисов; о росте при этом классовой борьбы рабов он говорит вскользь, видимо, не находя в подтверждение убедительных фактов. Тем самым интеграция Греции и Востока в эпоху эллинизма удовлетворила «потребность в расширении экономической базы» и греческой, и восточной элит; ею «была подорвана этническая разрозненность, покоившаяся еще на неизжитых естественно-родовых и племенных связях», и повышена товарность экономики Востока⁵⁰. Такое определение сущности кризиса IV в. до н.э. и наступления эллинизма довольно четко следовало позиции М.И. Ростовцева (что вообще характеризует последнего как экономического детерминиста ничуть не меньшего, чем советские марксисты, нашедшие, как видно, повод у него поучиться)⁵¹ и делало акцент на «экономике вообще», а не собственно на развитии рабовладения, качественных изменений в котором Ранович, как известно, не выявил⁵². Совсем примечательно подключение к оценке эпохи эллинизма (причем как «прогрессивного» этапа) такого «немарксистского» фактора, как религиозный синкретизм⁵³: очевидно, Ранович следовал при этом как традиции Дройзена, так и собственному опыту изучения религии. При этом кризис системы эллинизма на рубеже III–II вв. до н.э. было

⁴⁴ Kovalev 1936a, 124–150; 1936–1937, II, 171–205.

⁴⁵ Editorial 1938, 180.

⁴⁶ Схожий смысл имело более нейтральное определение В.В. Струве в середине 1930-х годов пресловутого восстания в Египте XVIII в. до н.э. как «социального переворота», а не «социальной революции»: Il'in-Tomich 2016.

⁴⁷ Kovalev 1936–1937, III, 68–69; 1936a, 249–254.

⁴⁸ Kovalev 1936a, 252.

⁴⁹ Kovalev 1936b, 5.

⁵⁰ Ranovich 1950, 19–28.

⁵¹ Rostovtzeff 1941, I, 90; II, 1026; cf. Ranovich 1945, 94–95; Krikh 2013, 141–158.

⁵² Zel'in 1955, 99–101.

⁵³ Ranovich 1950, 37: «Эллинизм не имел достаточной базы для создания мировой религии. Но он создал предпосылки для нее, и христианство при своем возникновении, уже в условиях Римской империи, имело налицо в готовом виде почти все основные элементы мировой религии».

соблазнительно связать с новым «нарастанием противоречий» в рабовладельческом обществе. Всплеск классовой борьбы усматривался в выступлении Аристоники в Пергаме, в движении Маккавеев, в тирании Набиса в Спарте; важным казалось наличие у этих движений некоего идеологического оформления, а римское завоевание воспринималось как средство консервации взрывающейся ими ситуации в интересах рабовладельцев⁵⁴.

Таким образом, схема античной истории, намеченная в советской историографии 1930–1940-х годов (и ни разу не сформулированная экономно и целостно), выглядит чередой «кризисов» рабовладения и «возрастаний противоречий» между рабовладельцами и рабами, гасившихся почти неизменно каким-то новым фактором: в IV в. до н.э. — экспансией на Восток, в конце III — II вв. до н.э. — завоеванием эллинистических государств Римом, в I в. до н.э. — становлением принципата, в III в. н.э. — стабилизацией начала домината. Столь долгое движение к «революции рабов» (все же состоявшейся, в рамках этой схемы, при падении Римской империи) не очень удивительно, если учесть, что его моделью должно было быть представление о мировой социалистической революции, которую не переставали ждать с создания «Манифеста коммунистической партии» в 1847 г., притом что исторический процесс в древности был, очевидно, менее динамичен. Вместе с тем эта схема сохраняла традиционные понятия древней истории — не только ее деление на историю древнего Востока, Греции и Рима с внутренними периодами, но и, явно вслед за зарубежными историками социально-экономического направления, признание качественно большей товарности античной экономики.

2. ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ I И II ТОМОВ
«ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ» В 1950-е годы (О.В. КУДРЯВЦЕВ).
ИЗМЕНЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУБЕЖЕЙ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
В ИСТОРИОГРАФИИ 1950–1960-х годов

Попытка уйти от этих традиционных понятий при определении периодизации древней истории была сделана в 1950-е годы в связи с новым «туром» подготовки «Всемирной истории» О.В. Кудрявцевым — антиковедом, рано ушедшим из жизни, но, похоже, игравшим большую роль в теоретической работе Института истории АН СССР⁵⁵. Важным основанием его схемы было признание неравномерности развития разных регионов в древности и значимости влияния более развитых обществ на менее развитые, а также в целом расширения древней ойкумены («территориального распространения рабовладельческого строя»). Это позволяло определять специфику эпох по тенденциям в развитии обществ-лидеров, во многом воспроизводя традиционную стадиальную схему «Восток — Греция — Рим». Сохраняя определение древности как эпохи рабовладения, Кудрявцев выделял в его развитии две большие фазы — архаическую и классическую, с гранью между ними по VII в. до н.э., которым он датировал начало формирования

⁵⁴ Например, Ranovich 1950, 165; Tarkov 1950, 35–36.

⁵⁵ См. о нем Kudryavtsev 1957, 3–10. Обсуждаемая далее схема была представлена в обширном докладе в ИИ АН СССР в 1951 г. в связи с работой над проспектом «Всемирной истории» (Kudryavtsev 1957, 257–308) и легла в основу передовой статьи ВДИ (Editorial 1952). Ср. ее восприятие в Shofman 1984, 70.

классического рабовладения в Греции. Признаками архаической фазы были названы сравнительно низкая доля рабства (причем по преимуществу эндогенного) в общем объеме производства, зависимость рабов скорее от государства, храмов и общин, нежели от частных лиц (ср. с тезисом Струве о «коллективном рабстве»), «наличие значительного класса мелких производителей, прежде всего не согнанного с земли крестьянства»; классическую фазу характеризовали исключение эндогенного рабства, преобладание рабского труда и «пауперизация вследствие этого мелких производителей», более высокое развитие товарно-денежных отношений. Смена архаической фазы классической не носила тотального характера: они сосуществовали и в определенной мере противостояли друг другу вплоть до конца древности. Кроме того, Кудрявцев, вслед за Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству»⁵⁶, указал, что общественному строю этих двух фаз соответствуют восточная и античная формы собственности, по сути дела, определив античность именно как мир полисов.

Более подробная периодизация предполагала деление истории древности на шесть периодов (два в архаической и четыре — в классической фазе рабовладения): первый период (XXX—XVI вв. до н.э.) — возникновение «древнейших рабовладельческих обществ» в областях речной ирригации; второй период (XVI—VII вв. до н.э.) — распространение их влияния на периферию; третий период (VII—IV вв. до н.э.) — сложение полисов в Греции и Италии и товарной городской экономики на Востоке; четвертый период (IV—I вв. до н.э.) — интеграция в условиях крупных межрегиональных государств (эллинистические царства, Римская держава, империя Цинь); пятый период (I—II вв. н.э.) — «период углубления кризиса в старых центрах рабовладельческого строя»; шестой период (III—V вв. н.э.) — собственно кризис и гибель древних обществ, внутри которых возникают феодальные отношения. Мы охарактеризовали эти периоды по чертам, соответствующим тому, что имело место в реальности: обоснование границ между ними Кудрявцевым по этапам развития рабовладения гораздо более фантомно. Признавая воздействие древнейших цивилизаций на периферию, его схема игнорирует фактор миграций и даже такой, казалось бы, «категоризируемый» в контексте советского марксизма фактор, как смена в развитии «производительных сил» археологических эпох⁵⁷. Было удержано и представление о роли классовой борьбы рабов в переходе от республики к империи, хотя Кудрявцев и независимо от нее учел фактор кризиса римского полиса и изгнал из своей схемы понятие «революции рабов». Однако примечателен сам замысел «сквозной периодизации» истории всей древней ойкумены: порождая определенные натяжки (например, соотнесение социальных движений в Римской империи III в. н.э. и восстания «желтых повязок» в Китае как стадийно однородных явлений кризиса рабовладения, хотя на самом деле они были вызваны совершенно разными

⁵⁶ Marx, Engels 1955–1980, XLVI/1, 461–508.

⁵⁷ Возможно, это была принципиальная позиция Кудрявцева: так, он предлагал ввести во «Всемирной истории» периодизацию первобытности не по этапам индустрии, а «по ступеням общественного развития»: Editorial 1953, 223. Но этот фактор был вполне учтен И.М. Дьяконовым и Г.Ф. Ильиным во вводных разделах ко II, III и IV частям I тома «Всемирной истории» (Zhukov 1955–1965, I, 133–136, 261–262, 473).

предпосылками), он вел и к верным наблюдениям об этапе повсеместного подъема городской экономики в середине I тыс. до н.э., о значимости межрегиональной интеграции в истории I тыс. до н.э. и особенно в его последние века.

Структура I и II томов «Всемирной истории» в принципе соответствовала схеме Кудрявцева, однако нельзя сказать, что ее развивали теоретические разделы этого издания: скорее в тех из них, что относятся к обществам Ближнего Востока, заметны взгляды И.М. Дьяконова, а теоретические экскурсы антиковедов лаконичны и в этом соответствуют обстановке послесталинского периода, когда ревизия прежних концепций еще не привела к новым обобщениям⁵⁸. Более существенна корректировка Кудрявцевым взглядов на кризис греческого полиса в IV в. до н.э.: он подчеркнул, что экономика Греции в это время развивалась по восходящей линии и кризис проявлялся не в социально-экономических отношениях. Напротив, он и был порожден их активным развитием, для которого были тесны рамки полиса: его преодоление состояло во встраивании полиса в более широкие государственные структуры (союзы полисов и эллинистические монархии)⁵⁹. Хотя, определяя природу кризиса полиса, Кудрявцев говорил о развитии рабства и вытеснении из производства свободных, он в принципе развел процессы эволюции социально-экономических отношений и гражданской общины. Возвращение к теме кризиса полиса уже в 1970–1980-е годы и в постсоветское время вообще не предполагало концентрации на проблемах рабства, а включало постановку широкого спектра вопросов как экономики, так и социально-политического развития Греции⁶⁰. В этом контексте были сформулированы два принципиально важных положения: Г.А. Кошеленко — о противоречии между ростом городского товарного производства и базовыми устоями полиса (и, соответственно, о том, что эпоха классического, независимого и в идеале автаркичного полиса была закономерно непродолжительна)⁶¹, и Л.П. Маринович — о закономерной утрате полисом в начале эллинизма статуса независимого государства⁶².

Почти синхронно с суждениями О.В. Кудрявцева о кризисе полиса К.К. Зельным было озвучено понимание эллинизма не как этапа рабовладельческой формации (согласно А.Б. Рановичу), а как конкретно-исторического явления синтеза греческих и восточных элементов в разных сферах экономики, политики и культуры⁶³. Анализируя эту концепцию и ее восприятие, мы уже отмечали, что

⁵⁸ Zhukov 1955–1965, I, 133–143, 261–265, 473–478; II, 20–21, 64–65, 231–234, 393, 725–729.

⁵⁹ Kudryavtsev 1954, 10–14; 1957, 361–366.

⁶⁰ Gluskina 1975; Marinovich 1975; Golubtsova 1983b, 5–42; Surikov 2011, 9–66.

⁶¹ У Г.А. Кошеленко этот тезис принимал провокационную форму противопоставления полиса и города (Golubtsova 1983a, 9–36); спорившие с этим Э.Д. Фролов и, уже в постсоветское время, И.Е. Суриков приходили, по сути, к тому же самому выводу (Frolov 2004, 54: «Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя, в общем, и малоуспешное, стремление к преодолению полиса»; Surikov 2010, 42–43; см. также далее).

⁶² Marinovich 1993, 212 («...Полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»); см. также указанную работу И.Е. Сурикова.

⁶³ Zel'in 1953; 1955.

привлекателен в ней был, безусловно, разрыв с неуместным социологизмом, а ее критика относилась к исключению из понятия эллинизма стадияльного аспекта вообще⁶⁴. Для марксиста Зельина последнее было закономерно, видимо, потому, что он считал возможным выделять крупные этапы в историческом процессе лишь по критерию эволюции социально-экономических отношений и при этом не видел возможности корректно обосновать наступление такого нового этапа на эллинистическом материале. Возможность вновь «переформулировать» понятие эллинизма в стадияльном аспекте, по крайней мере применительно к эволюции греческого общества (как этапа окончательного размывания автаркии полиса и утраты им независимости), появилась на основе исследований кризиса полиса, о которых шла речь выше; однако ни в поздне-, ни в постсоветское время эта возможность не реализовалась. Правда, в 1970–1980-е годы в науку было введено понятие «предэллинизм», обозначившее особое состояние в IV в. до н.э. как полисов Греции⁶⁵, так и Персидской державы⁶⁶: менее убедительное в последнем аспекте (речь должна была бы идти не о кризисе или переходе в новое качество этой державы, а о ее закономерной эволюции), оно имплицитно предполагало стадияльное значение и обозначающего следующую эпоху понятия «эллинизм».

Наконец, представление о финале древней истории было трансформировано в ходе дискуссии о переходе от античности к феодализму на страницах «Вестника древней истории» в 1953–1955 гг. В ее начале Е.М. Штаерман сформулировала тезис о наличии феодальных отношений уже в Римской империи III–IV вв. н.э., вместе с чем была дана критика теории «революции рабов»⁶⁷: еще до публикации полемической статьи Штаерман эта позиция была воспринята, как мы видели выше, О.В. Кудрявцевым⁶⁸. Корректируя идеологизированную теорию, Штаерман все равно формулировала ее альтернативу в духе марксистского экономического детерминизма, придавая понятию феодализма чисто экономический смысл и не связывая его со специфически средневековой системой власти и землевладения в Европе. По сути дела, на это была направлена критика тезиса Штаерман⁶⁹, утратившего столь радикальную форму, но получившего развитие в концепции взаимодействия в римском обществе II–III вв. полисного (муниципального) и неполисного магнатского секторов, итогом которого стал упадок первого из них⁷⁰. В результате из науки не только фактически исчезла формула о завершении античности победой «революции рабов»⁷¹, но и была востребована конкретность в изучении перехода от древности к средневековью в каждом регионе ойкумены.

⁶⁴ Ladynin 2018.

⁶⁵ Diakonoff *et al.* 1989, II, 218–260.

⁶⁶ Weinberg 1976; Diakonoff *et al.* 1989, II, 183–197.

⁶⁷ Shtaerman 1953; см. Krikh 2013, 193–195.

⁶⁸ См. также Kudryavtsev 1954, 26–28.

⁶⁹ Krikh 2013, 196–203.

⁷⁰ Shtaerman 1957.

⁷¹ Ее реплики встречались и позже (Nikiforov 1977, 50: «...историки справедливо отказались от термина “революция рабов”, но невозможно отрицать революционный характер гибели античного мира»), но уже не играли значимой роли.

Коррективы к другой составляющей теории «революции рабов» — представлению о переходе от республики к империи как ответе на нее — были намечены еще О. В. Кудрявцевым, связавшим этот переход со специфическим кризисом римского полиса⁷²; однако окончательно показал его связь с резким распространением римского гражданства после Союзнической войны С. Л. Утченко⁷³. Мы уже говорили об уязвимости с точки зрения марксистской теории восприятия этого события («грандиозного восстания италийского крестьянства») как «социальной революции»⁷⁴. Сохранение Утченко этого понятия, вероятно, мотивировалось не только стремлением соответствовать риторике советского марксизма, но и ориентацией на словоупотребление М. И. Ростовцева и Р. Сайма; однако далее оно уходит из историографии уже полностью⁷⁵. Более существенным было выдвижение тезиса о пассивности рабов и о большей роли в истории Рима борьбы между крупными и мелкими землевладельцами: его подробное, с апелляцией к классикам марксизма, обоснование фактически вернуло в отечественную науку традиционное понятие гражданских войн, предшествующих утверждению империи, и окончательно перечеркнуло поиски «революции рабов».

Как видно, на протяжении 1950–1960-х годов советские ученые, по сути дела, отказались от соотнесения эпох истории античности с этапами в развитии рабовладения и фаз перехода между ними — с проявлениями рабской «революционности»: античное рабство продолжало активно изучаться, однако критерием выделения крупных исторических эпох была, по сути дела, твердо признана эволюция античной гражданской общины.

3. КОНЦЕПЦИИ «ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ» ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ДРЕВНОСТИ И. М. ДЯКОНОВА

Более сложной задачей для советской науки послесталинского времени было определение внутренней периодизации истории древнего Востока, а также его места среди обществ древности. С одной стороны, советский марксизм продолжал ориентировать ученых на признание всей древности эпохой рабовладения, хотя тексты «классиков» позволяли обосновать и другие определения; с другой стороны, немарксистская наука не предоставляла столь четкой модели для осмысления реалий древнего Востока, как антиковедение с его традиционным кругом проблем и давней схемой периодизации истории древней Греции и Рима. Второй «тур» дискуссии об «азиатском способе производства» в 1960-е годы хотя и стимулировал теоретическую мысль, но, по сути дела, не дал результатов: древний Восток невозможно было признать ни этапом особого, отличного от иных

⁷² Kudryavtsev 1954, 14–15.

⁷³ Utchenko 1965, 17–32.

⁷⁴ Ladynin 2016, 24–25.

⁷⁵ Видимо, одно из последних серьезных проявлений этого понятия в контексте Поздней республики — поддержка Е. М. Штаерман взгляда Утченко на гражданские войны как на революцию внутри формации, «подобную, например, революциям 1830 и 1848 гг. во Франции» (Shtaerman 1968, 662).

известных способа производства, ни феодальным обществом в общепринятом смысле этого термина⁷⁶.

Наиболее серьезные уточнения восприятия истории древнего Востока были намечены в трудах И.М. Дьяконова: уже в его работах 1940–1950-х годов демонстрируются живучесть и высокая роль общинных институтов в Месопотамии, а в 1962 г. он делает программный доклад на эту тему, опубликованный затем в виде статьи⁷⁷. Ученый формулирует близкий позиции Утченко тезис о том, что «непосредственно действующей силой в социальной истории древнего мира» были не рабы, а «различные слои свободных». Формой типичного для древности натурального хозяйства было землепользование общины — не только товарищества «по присвоению воды и земли», но и собственника земли и «гражданского коллектива, обеспечивавшего права своих членов». Ее сохранение было не просто пережитком первобытности: в условиях древности община и приобретала новое качество, и могла возникать заново⁷⁸, а кроме того, могла быть частью обширных надобщинных структур; ее существованию не противоречили ни сохранение унаследованного от первобытности патриархального рода, ни возникновение в ее рамках малой семьи. При этом в обществах древности были выделены три пути развития: древнейший, сложившийся в странах речной ирригации, с большой ролью «царя-жреца» в организации хозяйства и формированием в речных долинах общерегиональных государств; «средний» (очевидно, по времени его возникновения) в неирригационных обществах Востока, где царь был прежде всего военачальником; и полисный, с высоким развитием товарно-денежных отношений и республиканским строем. Выдвинутая таким образом концепция прошла в 1960–1970-е годы подробную разработку и к началу 1980-х годов приобрела форму четкой схемы, в которой детерминантой типологии обществ III–II тыс. до н.э. было наличие или отсутствие в них ирригационного земледелия и, соответственно, либо преобладание в них «государственного сектора экономики», обслуживавшего организующие экономику структуры (относительное в обществах «первого пути развития», моделью которого служила Месопотамия, абсолютное — в Египте, единственном обществе «второго пути развития»), либо высокая роль «общинно-частного сектора» (неирригационные общества «третьего пути развития» в Малой Азии, Восточном Средиземноморье, Иране, на Армянском нагорье и Балканском полуострове)⁷⁹.

Как видно, в построениях И.М. Дьяконова важнейшее место занял тезис об очень долгом существовании на древнем Востоке общины, притом качественно отличной от общины первобытной. Как мы сказали, этот тезис хорошо соотносился с позицией С.Л. Утченко, предполагавшей существование в античном мире

⁷⁶ См. об этой дискуссии Nikiforov 1977; Diakonoff *et al.* 1989, I, 13–18; Neronova 1992, 249–266; Kim 2001, 91–137; Ladynin 2016, 22–23.

⁷⁷ Diakonoff 1963.

⁷⁸ Примерами этого служили Ассирия I тыс. до н.э., где воссоздавалась община, расшатанная войнами и внутренними процессами, и становление греческого полиса после катастрофы конца II тыс. до н.э.: Diakonoff 1963, 21, прим. 22.

⁷⁹ Diakonoff 1971; Diakonoff, Jakobson 1982; Diakonoff *et al.* 1982, I, 31–56 (разумеется, мы не приводим полную библиографию работ И.М. Дьяконова по этой теме).

свободного крестьянства как целостного, не разрушенного социальным расслоением класса; однако у Утченко его борьба с крупными землевладельцами шла внутри полисных структур, которые и в Греции, и в Италии возникли в результате долгого процесса, включавшего разложение первобытной общины и появление в обществе развитого рабства, и объединяли свободных, противостоявших рабам. Восточная же община, согласно Дьяконову, либо вырастала из общины первобытной, тем самым трансформировавшейся, но не разлагавшейся, либо даже могла возникать на протяжении древности вновь, что опять же опровергало наличие факторов, предопределяющих ее разложение. Такие построения предполагали серьезную ревизию базового положения советского марксизма о возникновении классового общества и государства именно вследствие разложения эгалитарных первобытных структур⁸⁰. В итоге в совместном докладе Дьяконова и Утченко на XIII Международном конгрессе исторических наук в 1970 г. было сформулировано представление о древности как об эпохе своего рода «трехчастного» общества, в котором наряду с рабовладельцами и рабами играло важнейшую роль «свободное полноправное крестьянство со своими самоуправляющимися общинами разного типа», и о переходе от древности к Средневековью как о времени гибели таких общин и становления личной зависимости крестьян от феодалов⁸¹.

Частью построений И. М. Дьяконова была предложенная им периодизация истории древности. Элементы ее прослеживаются уже в его совместных с Г. Ф. Ильиным разделах I и II томов «Всемирной истории»: так, в них есть мысль о прямой зависимости степени жесткости эксплуатации от уровня индустрии⁸². Для I тыс. до н. э. последствием освоения железа было представлено (правда, скорее имплицитно) создание крупных государств (империй), охватывавших весь Ближний Восток: в них эксплуатация государством в масштабах практически всего земельного фонда как рабов, так и принуждаемых через подати и повинности свободных сосуществовала с автономными городскими общинами, тесно связанными с храмами, но прежде всего занимавшимися межрегиональной торговлей⁸³. Исходно генезис империй был связан с потребностью в захвате рабов, однако затем более четко обозначилась мысль, что они были порождены «неравномерностью экономического развития отдельных районов в условиях натурального хозяйства»⁸⁴, а конкретнее — необходимостью «привлечения сырья

⁸⁰ См. о критике этого положения ранних работ Дьяконова в политическом докладе В. И. Авдиева: Ladynin, Timofeeva 2017, 343–345.

⁸¹ Diakonoff, Utchenko 1970.

⁸² Zhukov 1955–1965, I, 140: в медно-каменный век «свободный воин, чье оружие состояло из медного клевца или топорика... не имел большого преимущества в вооружении перед рабом... если тот брал в руки медную мотыгу или топор», что ограничивало использование большого числа рабов. Ср. Diakonoff *et al.* 1989, I, 44; II, 7: после появления более совершенного бронзового и железного оружия «уже не могло быть и речи о том, что взятый в плен и обращенный в рабство мужчина, получив в руки лопату или мотыгу, сможет справиться с вооруженным крестьянином или с охраной, поставленной рабовладельцем».

⁸³ Zhukov 1955–1965, I, 474–476; II, 20–21. Ср. Diakonoff 1963, 31; 1971, 133, 140 с отсылками к Sarkisyan 1952.

⁸⁴ Diakonoff 1963, 33 со ссылкой на Yankovskaya 1956.

в наиболее развитые ремесленно-земледельческие центры из окраин»⁸⁵ с помощью силы в межрегиональном государстве с единой военно-административной инфраструктурой. В совместной с В.А. Якобсоном статье 1982 г. это объяснение повторено с уточнением, что создавали империи не государства — потребители сырья (области «второго подразделения общественного производства»), а прежде всего обладатели лучших армий, в том числе страны Иранского нагорья, относившиеся к «первому подразделению общественного производства» — поставщикам сырья⁸⁶. Однако в трехтомнике «История древнего мира» Дьяконов, Якобсон и Н.Б. Янковская связали появление империй еще и с внутренней эволюцией государств II тыс. до н.э., растущая элита которых исчерпала возможности эксплуатации собственного населения, не могла повысить интенсивность производства и искала «дополнительные источники прибавочного продукта извне» через взимание с покоренных земель дани, обращение в зависимость и депортации их населения и контроль над торговыми путями⁸⁷. Так или иначе, И.М. Дьяконов выделил в истории древности два этапа: т.н. раннюю древность, т.е. время медно-каменного и бронзового века с развитием обществ по трем намеченным им «путям развития», и второй этап, наступивший с железным веком, когда в империях Ближнего Востока «государственный сектор» поглотил «общинно-частный» практически полностью, за исключением гражданско-храмовых общин торговых городов, а в Греции и Италии сложился античный путь развития с особым типом гражданской общины — полисом⁸⁸.

«Пути развития» в схеме Дьяконова, по его же оговорке, выведены на материале Ближнего Востока и Средиземноморья и не исчерпывают всех вариантов эволюции обществ древности: называя особенностью общества Индии I тыс. до н.э. кастовый строй, а Китая — «противопоставление “ученых”, чиновных лиц неученым и нечиновным» (примечательным образом, вообще фактор мировоззрения, а не экологических условий или структуры общества!)⁸⁹, он явно считал, что разработка этой схемы должна продолжаться. Однако он не ограничивается древним

⁸⁵ Diakonoff 1971, 133.

⁸⁶ Diakonoff, Jakobson 1982, 8–9.

⁸⁷ Diakonoff *et al.* 1989, II, 9–15. См. подробнее о проблематике империй в отечественной литературе и о возможных предпосылках к данной трансформации построений И.М. Дьяконова в Ladynin 2021.

⁸⁸ Такая «двухчастная» периодизация заложена (явно И.М. Дьяконовым) в общее введение к «Истории древнего мира» (Diakonoff *et al.* 1989, I, 17). В написанном редакционной коллегией заключении к ней неожиданно обнаруживается деление древности «на раннюю, развитую и позднюю», с разделителем между вторым и третьим периодами по некоему кризису V–IV вв. до н.э. («Независимые мелкие античные полисы страдают от трудностей в расширении воспроизводства и от недостаточной политической защиты в международных отношениях, а империи — от излишней централизации, замедляющей развитие частнорабовладельческого производства в городах», что приводит к созданию «нового типа империй», интегрирующих полисы: Diakonoff *et al.* 1989, III, 367–369). Эти формулировки напоминают восприятие начала эллинизма в советской литературе 1930–1950-х годов (см. выше) и скорее исходят от антиковедов — коллег Дьяконова по работе над изданием.

⁸⁹ Diakonoff 1971, 141; Diakonoff *et al.* 1989, I, 51.

Востоком и не признает его историю начальным этапом древности в целом («я самым категорическим образом протестую против отнесения всего древнего Востока к ранней стадии формации»⁹⁰). Об экономическом образе древности Дьяконов говорил, что для нее «типичным эксплуатируемым лицом... был раб, точно так же, как типичным эксплуатируемым лицом в средние века был крепостной»⁹¹: не отождествляя всех зависимых людей древности с рабами, он все же ввел для них всех термин «подневольные люди рабского типа», исходя из того, что они стояли вне общины и были отстранены от средств производства (в отличие от средневековых крепостных)⁹². Это построение позволило ему, сохраняя понятийный аппарат советского марксизма (см. наше прим. 29), квалифицировать древность в целом как единый способ производства, поиск обозначения которому составил проблему. Если в статье 1968 г. Дьяконов говорит об условности его обозначения как «рабского», то в совместной с В.А. Якобсоном статье 1982 г. и в первом издании «Истории древнего мира» его обозначения «древний» и «рабовладельческий» взаимозаменяемы, в издании «Истории древнего мира» 1989 г. второе из них исчезает, а в английском переводе ее первого тома в 1991 г. оно, напротив, усилено⁹³. Особенно существенно, что понятие «ранняя древность» у Дьяконова включает в себя общества как Ближнего Востока, так и Крита и Балканской Греции II тыс. до н.э., представляющие в его типологии локальный вариант «третьего пути развития», который затем трансформировался в античный полисный. При этом если в статье 1963 г. Дьяконов ставил Грецию и Италию в один ряд с Финикией, и даже с Малой Азией, как регионы особенно высокого развития товарно-денежных отношений вследствие «резкого порайонного разделения труда и относительно высокого уровня развития производительных сил, созданного соседними более древними обществами»⁹⁴, то позднее он подчеркивает специфичность античного пути развития обществ, где государственность сложилась на уровне индустрии железного века: тогда, в отличие от условий III–II тыс. до н.э., «государственный сектор экономики» уже не мог иметь «никакой общественно полезной функции», причем в Греции он прежде был «сметен и уничтожен» катастрофой ахейской цивилизации⁹⁵. По-видимому, в 1970–1980-е годы такое сравнительно

⁹⁰ Diakonoff 1971, 139.

⁹¹ Diakonoff 1971, 135.

⁹² Diakonoff 1971, 137; 1973; Diakonoff *et al.* 1989, I, 43; см. об этой позиции подробно и критически Neronova 1992, 110–113, 117–124, 252–254.

⁹³ См. Diakonoff 1968, 37: «Пора и историкам древнего мира отдать себе отчет в том, что античный — или, применяя русское слово, — древний способ производства, если можно и нужно называть «рабским», то лишь для общепонятного изложения...»; Diakonoff, Jakobson 1982, 3: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего, рабовладельческого, способа производства»; Diakonoff *et al.* 1982, I, 37: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего, или рабовладельческого, способа производства»; 1989, I, 41: «...специфические пути развития в пределах одного и того же древнего способа производства»; Diakonoff, Kohl 1991, 37: «their specific ways of development within the framework of the same type of society (conventionally called the slave-owning mode of production)».

⁹⁴ Diakonoff 1963, 32.

⁹⁵ Diakonoff *et al.* 1989, II, 20.

резкое противопоставление античности Востоку уже не могло вызвать нападков, а обращение к тематике ахейского общества уже стало очень широким (в СССР — в работах С.Я. Лурье, Я.А. Ленцмана, Т.В. Блаватской, Г.Ф. Поляковой)⁹⁶. Практически синхронно с «Историей древнего мира», где отразилось видение Дьяконовым данной проблемы, появились важные работы антиковедов о «послемикенском регрессе»⁹⁷: несмотря на разные мнения о его глубине, в них давалась примерно та же оценка слома структуры ахейского общества и подчеркивалось значение освоения на этом этапе железа. Тем самым были обозначены, как фактологически, так и теоретически, грань между предантичным и античным этапами истории древней Греции и ее место в историческом процессе древности в целом. Стало возможно построить его целостную и последовательную схему, по крайней мере в масштабе Средиземноморья, Европы и Ближнего Востока, причем основой для этого были именно наработки И.М. Дьяконова.

Стоит отметить не только их соответствие интенции советского марксизма на выявление законов развития общества, но и связь с концепциями предшественников Дьяконова: так, разделение обществ древнего Востока на ирригационные и периферийные «военно-рабовладельческие» можно найти у В.В. Струве и С.И. Ковалева, а в предложенных последним и О.В. Кудрявцевым схемах периодизации древней истории выделена роль межрегиональных государств в I тыс. до н.э. Вместе с тем факторы эволюции общества «по Дьяконову» для советской науки нетрадиционны: так, сложение трех «путей развития» обществ ранней древности определялось природными условиями (наличием или отсутствием в конкретном регионе условий для ирригации), а наиболее заметным критерием выделения двух основных периодов истории древности служил тип государственности (номовой и региональной — для ранней древности, межрегиональной «имперской» — для второго периода). В этом смысле «схема Дьяконова» как будто оставила в стороне такие базовые для советской науки характеристики общества, как преобладающие на том или ином этапе типы организации хозяйства и отношений эксплуатации.

Литература / References

- Alekseev, V.V., Kradin, N.N., Korotaev, A.V., Grinin, L.E. 2014: *Teoriya i metodologiya istorii. Uchebnik dlya vuzov* [Theory and Methodology of History. A Manual for Higher Education]. Volgograd. Алексеев, В.В., Крадин, Н.Н., Коротаев, А.В., Гринин, Л.Е. *Теория и методология истории. Учебник для вузов*. Волгоград.

⁹⁶ См. общую оценку отечественной историографии этого периода в Frolov 2004, 57–58. Стоит отметить, что И.М. Дьяконов сделал выбор в пользу признания принципиального сходства микенского общества со стадияльно близкими древневосточными структурами (в нашей науке об их различиях, в силу большей роли частного землевладения и неразвитости монархических институтов в Греции II тыс. до н.э., говорили А.И. Тюменев и С.Я. Лурье). Схожего мнения о специфике критского общества был Ю.В. Андреев: Diakonoff *et al.* 1989, I, 312–320. По-видимому, можно говорить о восприятии Дьяконовым взглядов Андреева, произошедшем при оппонировании докторской диссертации последнего в 1979 г.: Andreev 2004, 445–455.

⁹⁷ Andreev 1985; Frolov 2004, 56–83 (первое издание этой монографии вышло в 1988 г.).

- Almazova, N.S. 2017: [At the Turn of Epochs. Lecture Courses of Ancient History by Mikhail Khvostov in the Teaching of 1900–1920s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 6, 313–326.
- Алмазова, Н.С. На рубеже эпох. Лекционные курсы М.М. Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 313–326.
- Almazova, N.S. 2019: [A General Concept of Ancient History of Robert Yu. Vipper in his Works of the Pre-Revolutionary Years]. *Aristey* [*Aristeas*] 20, 264–287.
- Алмазова, Н.С. Единая концепция истории древности Р.Ю. Виппера в его работах дореволюционного периода. *Аристей* 20, 264–287.
- Alpatov, V.M. 2011: *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [*A History of a Myth. Marr and Marrism*]. 3rd ed. Moscow.
- Алпатов, В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. 3-е изд. М.
- Andreev, Yu.V. 1985: [The Question of Post-Mycenaean Regression]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 9–29.
- Андреев, Ю.В. К проблеме послемикенского регресса. *ВДИ* 3, 9–29.
- Andreev, Yu.V. 2004: *Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiya Gretsii XI–VIII vv. do n.e.* [*The Homer's Society. Main Trends of Socio-Economic and Political Development of Greece from the 11th to the 8th Century B.C.*]. Saint Petersburg.
- Андреев, Ю.В. Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI–VIII вв. до н.э. СПб.
- Chubaryan, A.O. (ed.) 2011–2017: *Vsemirnaya istoriya v shesti tomakh* [*A World History in Six Volumes*]. Vol. I–VI. Moscow.
- Чубарьян, А.О. (гл. ред.). *Всемирная история в шести томах*. Т. 1–6. М.
- Diakonoff, I.M. 1963: [Rural Community at the Ancient Orient in the Works of Soviet Researchers]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 16–34.
- Дьяконов, И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей. *ВДИ* 1, 16–34.
- Diakonoff, I.M. 1968: [Problems of Economics. The Structure of Near Eastern Society to the Middle of the Second Millennium B.C.]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–40.
- Дьяконов, И.М. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. *ВДИ* 4, 3–40.
- Diakonoff, I.M. 1971: [Main Features of the Ancient Society (Review Based on the Data of Western Asia)]. In: G.F. Kim (ed.), *Problemy dokapitalisticheskikh obshchestv v stranakh Vostoka* [*Problems of the Pre-Capitalist Societies in the Countries of Orient*]. Moscow, 127–146.
- Дьяконов, И.М. Основные черты древнего общества (реферат на материале Западной Азии). В сб.: Г.Ф. Ким (отв. ред.), *Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока*. М., 127–146.
- Diakonoff, I.M. 1973: [Slaves, Helots and Serfs in Early Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 3–29.
- Дьяконов, И.М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. *ВДИ* 4, 3–29.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*A Book of Memoirs*]. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Diakonoff, I.M., Jakobson, V.A. 1982: ['Nome States', 'Territorial Kingdoms', 'Poleis' and 'Empires'. A Study in Typology]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 3–16.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии. *ВДИ* 2, 3–16.
- Diakonoff, I.M., Kohl, Ph.L. (eds.) 1991: *Early Antiquity*. Chicago–London.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1982: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World*]. Vol. I–III. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. М.
- Diakonoff, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [*A History of the Ancient World*]. Vol. I–III. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В.Д., Свенцицкая, И.С. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. 3-е изд. М.

- Diakonoff, I.M., Utchenko, S.L. 1970: [Social Stratification of the Ancient Society]. In: *XIII Mezhdunarodnyy kongress istoricheskikh nauk. Moskva, 16–23 avgusta 1970 g. Doklady* [13th International Congress of Historical Sciences. Moscow, 16–23 August 1970. Papers]. Vol. I. Pt. 3. Moscow, 129–149.
- Дьяконов, И.М., Утченко, С.Л. Социальная стратификация древнего общества. В кн.: *XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г. Доклады*. Т. 1. Ч. 3. М., 129–149.
- Dubrovskiy, A.M. 2017: *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gody)* [Power and Historical Thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow.
- Дубровский, А.М. *Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е годы)*. М.
- Editorial 1938: [A Project of a Multivolume 'World History'. History of the Ancient World]. *Istoriikmarksist* [Marxist Historian] 3, 170–189.
- Проект схемы многотомника «Всемирной истории». История древнего мира. *Историк-марксист* 3, 170–189.
- Editorial 1952: [Ancient History in the World History Being Prepared by the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–16.
- История древнего мира во «Всемирной истории», подготавливаемой Академией Наук СССР. *ВДИ* 1, 3–16.
- Editorial 1953: [Notes to the Prospect of the World History of the USSR Academy of Sciences, Vols. 1 and 2]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 217–232.
- Замечания на проспект «Всемирной истории» АН СССР, тт. I и II. *ВДИ* 1, 217–232.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Essays]. 2nd ed. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.
- Frolov, E.D. 2004: *Rozhdenie grecheskogo polisa* [The Birth of the Greek Polis]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Рождение греческого полиса*. 2-е изд. СПб.
- Gluskina, L.M. 1975: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Afin IV v. do n.e.* [Problems of Social and Economic History of Athens in the 4th Century B.C.]. Leningrad.
- Глускина, Л.М. *Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э.* Л.
- Golubtsova, E.S. (ed.) 1983a: *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa*. Т. I. *Stanovlenie i razvitie polisa* [Classical Greece. Problems of the Polis' Development. Vol. I. The Genesis of Polis and Its Development]. Moscow.
- Голубцова, Е.С. (ред.). *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М.
- Golubtsova, E.S. (ed.) 1983b: *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiya polisa*. Т. II. *Krizis polisa* [Classical Greece. Problems of the Polis' Development. Vol. II. The Crisis of Polis]. Moscow.
- Голубцова, Е.С. (ред.). *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. *Кризис полиса*. М.
- Il'in-Tomich, A.A. 2016: [Social Revolution in Egypt in the Works by Vasily Struve]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 35–46.
- Ильин-Томич, А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 35–46.
- Kim, O.V. 2001: *Problema aziatskogo sposoba proizvodstva v sovetskoj istoriografii (20-e gg. — nachalo 90-kh gg.)* [The Problem of the Asiatic Mode of Production in the Soviet Historiography (1920s to 1990s)]. PhD thesis. Kemerovo.
- Ким, О.В. *Проблема азиатского способа производства в советской историографии (20-е гг. — начало 90-х гг.)*. Дисс. на соискание степени к.и.н. Кемерово.
- Kirilova, M.N. 2017: [In the Search of the 'Roman Revolution': the Transition from the Republic to the Empire in the Research and University Courses of Russian and Western Historians of Antiquity in 1910–1960]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 6, 343–358.
- Кириллова, М.Н. В поисках «римской революции»: переход от Республики к Империи в исследованиях и учебных пособиях отечественных и зарубежных антиковедов

- 1910–1960-х гг. *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 6, 343–358.
- Kirillova, M.N. 2020: [“I’m a Factlover”: Sergey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the Early 1930s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”* [The Journal of Education and Science “History” (“History”)] 11/1 (87), 1–11.
- Кириллова, М.Н. «Я – фактопоклонник»: С.А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1 (87), 1–11.
- Kluev, A.I., Metel’, O.V. (ed.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]. Omsk.
- Клюев, А.И., Метель, О.В. (сост.) *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Kovalev, S.I. 1936a: *Istoriya antichnogo obshchestva*. Ch. 1. *Gretsiya* [A History of Classical Society. Pt. 1. Greece]. Moscow–Leningrad.
- Ковалев, С.И. *История античного общества*. Ч. 1. *Греция*. М.–Л.
- Kovalev, S.I. 1936b: *Istoriya antichnogo obshchestva*. Ch. 2. *Ellinism. Rim* [A History of Classical Society. Pt. 2. Hellenistic Period. Rome]. Moscow–Leningrad.
- Ковалев, С.И. *История античного общества*. Ч. 2. *Эллинизм. Рим*. М.–Л.
- Kovalev, S.I. (ed.) 1936–1937: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World.]. Vol. I–III. Moscow.
- Ковалев, С.И. (ред.). *История древнего мира*. Т. 1–3. М.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoy istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Krikh, S. 2020: *Drugaya istoriya: «Periferiynaya» sovetskaya nauka o drevnosti* [Another History. The “Peripheral” Soviet Research of Antiquity]. Moscow.
- Крих, С. *Другая история: «Периферийная» советская наука о древности*. М.
- Krikh, S.B., Metel’, O.V. 2014: *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoy istoriograficheskoy mysli* [The Soviet Historiography of Antiquity in the Context of the World Historiographic Thought]. Moscow.
- Крих, С.Б., Метель, О.В. *Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли*. М.
- Kudryavtsev, O.V. 1954: *Ellinskie provintsii Balkanskogo poluoostrova vo II v.n.e.* [The Hellenic Provinces of the Balkan Peninsula in 2nd Century A.D.]. Moscow.
- Кудрявцев, О.В. *Эллинские провинции Балканского полуострова во II в.н.э.* М.
- Kudryavtsev, O.V. 1957: *Issledovaniya po istorii balkano-dunayskikh oblastey v period Rimskoy imperii i stat’i po obshchim problemam drevney istorii* [Studies in the History of the Balkan and Danube Provinces under the Roman Empire and Papers on the General Problems of Ancient History]. Moscow.
- Кудрявцев, О.В. *Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории*. М.
- Ladynin, I.A. 2016: [Features of the Landscape (How Marxist was the ‘Soviet Antiquity’?). *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность?»). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Ladynin, I.A. 2018: [The Notion of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Research: A Regular Stage or an Idiographic Contingency?]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time] 65, 185–206.
- Ладынин, И.А. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Ladynin, I.A. 2019a: [The Concept of Feudalism at Ancient Orient and the Works by V.V. Struve of 1910 – Early 1930s]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time] 69, 251–267.
- Ладынин, И.А. Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В. Струве 1910-х – начала 1930-х гг. *Диалог со временем* 69, 251–267.
- Ladynin, I.A. 2019b: [The Concept of the “Ancient Orient” in Russian and Soviet Scholarship of the Twentieth Century]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 79/3, 772–796.
- Ладынин, И.А. Понятие «древний Восток» в отечественной историографии XX в. *ВДИ* 79/3, 772–796.

- Ladynin, I.A. 2020: [The Journey Begins: Letter from Vasily Struve to Mikhail Rostovtzev of 25 May 1914]. *Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]* 4, 1119–1130.
Ладынин, И.А. В начале пути: письмо В.В. Струве М.И. Ростовцеву от 25 мая 1914 г. *Вестник архивиста* 4, 1119–1130.
- Ladynin, I.A. 2021: [‘World Empires’ of the Ancient Near East of the First Millennium B.C. in the Theoretical Schemes of Soviet and Post-Soviet Historiography of Antiquity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Perm University Herald. History]* 1 (52), 118–128.
Ладынин, И.А. «Мировые державы» Ближнего и Среднего Востока I тыс. до н.э. в теоретических схемах советской и постсоветской историографии древности. *Вестник Пермского университета. История* 1 (52), 118–128.
- Ladynin, I.A. 2023: [“Slavery 1.0”: the Concept of the Ancient Oriental Slave-Ownning Societies in the Works by Vassily Struve of 1933–1934 and Its Perspective]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [The Journal of Education and Science “Istoriya” (“History”)]* 14/2 (124).
Ладынин, И.А. «Рабовладение 1.0»: концепция рабовладельческого строя на древнем Востоке в работах В.В. Струве 1933–1934 гг. и ее судьба. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124).
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2017: [“Dear Lavrentiy Pavlovich!” Some Documents of V.I. Avdiev Dating to 1950]. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. «Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!» Из документов В.И. Авдиева 1950 г. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
- Lenin, V.I. 1958–1966: *Polnoe Sobranie Sochineniy [Complete Works]*. Vol. I–LV. 5th ed. Moscow.
Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 1–55. 5-е изд. М.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.e. i krizis polisa [Greek Mercenaries of the 4th Century B.C. and the Crisis of the Polis]*. Moscow.
Маринович, Л.П. *Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса*. М.
- Marinovich, L.P. 1993: *Greki i Aleksandr Makedonskiy. K probleme krizisa polisa [Greeks and Alexander of Macedon. Problem of the Polis’ Crisis]*. Moscow.
Маринович, Л.П. *Греки и Александр Македонский. К проблеме кризиса полиса*. М.
- Marx, K., Engels, F. 1955–1980: *Sochineniya [Works]*. Vol. I–L. 2nd ed. Moscow.
Маркс, К., Энгельс, Ф. *Сочинения*. Т. 1–50. 2-е изд. М.
- Mashkin, N.A. 1939: [Sundry Matters in the History of Ancient World]. *Istoriik-marksist [Marxist Historian]* 4, 77–84.
Машкин, Н.А. Спорные вопросы истории древнего мира. *Историк-марксист* 4, 77–84.
- Metchnikoff, L. 1889: *La civilisation et les grands fleuves historiques*. Paris.
- Neronova, V.D. 1992: *Formy ekspluatatsii v drevnem mire v zerkale sovetской istoriografii [Forms of Exploitation in the Ancient World as seen in the Soviet Historiography]*. Perm.
Неронова, В.Д. *Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии*. Пермь.
- Nikiforov, V.N. 1977: *Vostok i vsemirnaya istoriya [Orient and the World History]*. 2nd ed. Moscow.
Никифоров, В.Н. *Восток и всемирная история*. 2-е изд. М.
- Oldenburg, S.F. 1931: *Vostok i Zapad v sovetskikh usloviyakh [East and West in the Soviet Circumstances]*. Moscow–Leningrad.
Ольденбург, С.Ф. *Восток и Запад в советских условиях*. М. – Л.
- Ranovich, A.B. 1945: [Rev.: Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World]. *Istoricheskiy zhurnal [Historical Journal]* 2, 92–99.
Ранович, А.Б. Ред.: Ростовцев М. Социально-экономическая история эллинистического мира. *Исторический журнал* 2, 92–99.
- Ranovich, A.B. 1950: *Ellinizm i ego istoricheskaya rol' [Hellenistic Period and Its Historical Role]*. Moscow–Leningrad.
Ранович, А.Б. *Эллинизм и его историческая роль*. М. – Л.
- Rostovtzeff, M.I. 1900: [Capitalism and the National Economy in the Ancient World]. *Russkaya mysl' [Russian Thought]* 3, 195–217.
Ростовцев, М.И. Капитализм и народное хозяйство в Древнем мире. *Русская мысль* 3, 195–217.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vol. I–III. Oxford.

- Sarkisyan, G.H. 1952 [Self-Governing City of Seleucid Babylonia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 68–83.
- Саркисян, Г.Х. Самоуправляющийся город Селевкидской Вавилонии. *ВДИ* 1, 68–83.
- Sharova, A.V. 2017: [The 'Revolution of Slaves' in the Textbooks by E. Kosminsky in 1930–1950s]. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua: Ancient History, Philology, Arts and Material Culture] 6, 421–451.
- Шарова, А.В. «Революция рабов» в учебных изданиях Е.А. Косминского 1930–1950-х гг. *Scripta Antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* 6, 421–451.
- Shofman, A.S. 1984 (ed.): *Periodizatsiya vseмирnoy istorii* [Periods of the World History]. Kazan.
- Шофман, А.С. (ред.). *Периодизация всемирной истории*. Казань.
- Shtaerman, E.M. 1953: [The Problem of the Downfall of the Slave-Ownning System]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 51–79.
- Штаерман, Е.М. Проблема падения рабовладельческого строя. *ВДИ* 2, 51–79.
- Shtaerman, E.M. 1957: *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnykh provintsiyakh Rimskoy imperii* [The Crisis of the Slave-Ownning System in the Western Provinces of the Roman Empire]. Moscow.
- Штаерман, Е.М. *Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи*. М.
- Shtaerman, E.M. 1968: [Ancient Greek and Roman Society. Modernization of History and Historical Parallels]. In: L.V. Danilova (ed.), *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of the Pre-capitalist Societies]. Book 1. Moscow, 638–671.
- Штаерман, Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии. В сб.: Л.В. Данилова (ред.), *Проблемы истории докапиталистических обществ*. Книга 1. М., 638–671.
- Skvortsov, A.M. 2017: [The Ruin of the Antiquity Circle in Leningrad (Based on the Investigations' data from Federal Security Service Records)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 77/1, 210–223.
- Скворцов, А.М. Разгром «античного кружка» в Ленинграде (по материалам следственных дел архива ФСБ). *ВДИ* 77/1, 210–223.
- Slonimskiy, M.M. 1970: *Periodizatsiya drevney istorii v sovetskoй istoriografii* [The Periods of Ancient History in Soviet Historiography]. Voronezh.
- Слонимский, М.М. *Периодизация древней истории в советской историографии*. Воронеж.
- Struve, V.V. 1934a: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka*. [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М. – Л.
- Struve, V.V. 1934b: *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevnego Vostoka* [Essays on the Social and Economic History of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Очерки социально-экономической истории древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 97). М. – Л.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Leningrad.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. Л.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and the Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis. Kurs lektsiy* [The Ancient Polis. A Course]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.), *Античный полис. Курс лекций*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2011: *Politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits* [Ancient Greece. Politicians in the Context of an Epoch. Age of Discord]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Година междоусобиц*. М.
- Tarkov, P.N. 1950: [On the History of International Relations in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 28–36.
- Тарков, П.Н. К истории международных отношений в античном мире. *ВДИ* 2, 28–36.
- Tarn, W. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya*. [Hellenistic Civilization]. Moscow.
- Тарн, В. *Эллинистическая цивилизация*. М.

-
- Utchenko, S.L. 1965: *Krizis i padenie Rimskoy respubliki* [*The Crisis and the Downfall of the Roman Republic*]. Moscow.
Утченко, С.Л. *Кризис и падение Римской республики*. М.
- Weinberg, J.P. 1976: Bemerkungen zum Problem „der Vorhellenismus im Vorderen Orient“. *Klio: Beiträge zur Alten Geschichte* 58, 5–20.
- Yankovskaya, N.B. 1956: [Some Problems in the Economics of the Assyrian Empire]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 28–46.
Янковская, Н.Б. Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. *ВДИ* 1, 28–46.
- Zel'in, K.K. 1953: [Main Features of the Hellenistic Period]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 145–156.
Зельин, К.К. Основные черты эллинизма. *ВДИ* 4, 145–156.
- Zel'in, K.K. 1955: [Some Major Problems in the History of Hellenistic Period]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 22, 99–108.
Зельин, К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *Советская археология* 22, 99–108.
- Zhukov, E.M. (ed.) 1955–1965: *Vsemirnaya istoriya v desyati tomakh* [*A World History in Ten Volumes*]. Vol. I–X. Moscow.
Жуков, Е.М. (гл. ред.). *Всемирная история в десяти томах*. Т. 1–10. М.